

УДК 81'42

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИСКУРСИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Казабеева В.А.

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы, e-mail: vitaliya.78@mail.ru*

В статье рассматривается проблема изучения понятия «политическая дискурсия» в современной лингвистике. Развитие когнитивной парадигмы в лингвистике актуализировало изучение понятия «дискурс», исследование же политической дискурсии даёт возможность исследовать подробнее языковую личность политика.

Ключевые слова: политическая дискурсия, языковая личность, речевое поведение

THE PROBLEM OF DETERMINING THE POLITICAL DISCOURSE IN MODERN LINGUISTICS

Kazabeeva V.A.

Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, e-mail: vitaliya.78@mail.ru

Article considers the problem studying the concept of «political discourse» in modern linguistics. The development of the cognitive paradigm in the study of linguistics has actualized the concept of «discourse» is the study of political discourse makes it possible to explore more linguistic identity politics.

Keywords: political discourse, linguistic identity, verbal behavior

Сложившееся положение дел в языкознании второй половины XX века таково, что центральные позиции стали занимать когнитивная и коммуникативная парадигмы, описывающие базовые отношения между языком и человеком как мыслящим социальным объектом. Широкое понимание когнитивной науки позволяет включать речевую деятельность в интерактивную картину языка, мышления и поведения говорящего субъекта. Мышление и язык как базовые концепты человеческого бытия экстраполируются в коммуникативном процессе. Последнее, наряду со способностью к абстрактному мышлению и использованию моральных категорий как основы существования человеческого общества, и определяет уникальность человеческого поведения – в том числе и коммуникативного – в мире.

Изменение парадигмы современного языкознания выражается, прежде всего, в увеличении объема работ антропоцентрического направления, что в свою очередь влечет за собой, с одной стороны, освоение новых научных сфер, а с другой – переосмысление старых теоретических посылок и устоявшихся постулатов относительно «человеческого фактора» (говорящего субъекта, языковой личности или *homo loquens*) в языке.

Увеличение внимания к роли феномена «говорящей/языковой личности» позволяет исследователям осознать не только важность проблем описания самой языковой структуры, но и значимость задач

всестороннего исследования названного феномена, когда языковая личность, непосредственно «человек говорящий» в его способности совершать определенные речевые поступки, выступает в качестве интегрального объекта изучения различных направлений науки о языке, таких как когнитивная лингвистика, социо- и психолингвистика, прагма- и этнолингвистика, политическая лингвистика и т.п.

В научной литературе отмечается, что за прошедшее десятилетие резко возрос интерес к изучению человеческого поведения как в плане организации информационно-коммуникативной деятельности, так и в плане реализации других видов общечеловеческой деятельности, что обусловило появление «новой научной парадигмы» или «дискурсивного поворота» в научной деятельности, которая обещает, по заключению ряда ученых, «нечто большее, чем создание новой лингвистической, семиотической или культурологической модели» понимания и интерпретации проявления человеческой деятельности в широком смысле этого термина (см.: Ван Дейк, 1989; Водак, 1997 и др.).

Практически, то, что уже получило в психологии (особенно, в когнитивной психологии – см.: Солсо, 1996: 32-45), философии и других гуманитарных науках название дискурсивного поворота, должно рассматриваться и в антропологическом языковедении (в лингвистике вообще и в политической лингвистике в частности) как часть более значительных тектониче-

ских сдвигов в культурологической архитектуре знания о говорящей личности и ее речевом (коммуникативном) поведении.

Антропологическое языковедение – как показали работы по изучению речевых проявлений (или дискурсов) личности – обнаруживает много «белых» пятен, открывает новые неизведанные области научного пространства, одну из которых составляют проблемы «социального бытия», структурированности и динамичности смысловой реальности политической дискурсии как совокупности речевых практик, когда информационный манифестант в виде определенного дискурса (или просто информативного массива, текста) отражает специфику форм речевого и – шире – коммуникативного поведения говорящего субъекта, связанную с отражением (совпадением или несовпадением) его картины (языковой и внеязыковой) мира и картины мира объекта (адресата), воспринимающего информативный манифестант.

Именно исследование специфики форм политической дискурсии позволяет выявить природу этнокультурной особенности «ментального вместилища», «ментального пространства» говорящей личности, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону (1987: 129; а также см.: Лакофф, 1995: 147-159; Динсмор, 1995: 386), охватывая как культурные лакуны, знание лингвострановедческих феноменов и различных видов культурной деятельности с учетом специфики массового сознания (термин в понимании Б.А. Грушина), так и лингвопрагматическую особенность функционирования ее конкретных видов и форм, манифестирующих ту или иную разновидность речевого, коммуникативного и человеческого поведения.

Проблема объяснения, интерпретации и комментирования специфики динамических образцов человеческого поведения на материале такого фиксированного эмпирического лингвистического материала как политический дискурс или дискурс политика (рассказы, имиджологические мифы, политические выступления и политические дискуссии в различных социальных кругах, воспоминания о политических мероприятиях – митингах, съездах, поездках в качестве члена делегации, автобиографии, обсуждение научных проблем и т.п.) является предметом большого числа современных исследований, что дает основание ряду ученых говорить о «новом теоретическом подходе», о «новом жанре в философии науки» (см.: Брокмейер, Харе, 2000: 29), о narra-

тивной специфике политической дискурсии как акте высказывания в социально-семиотическом процессе, где под «дискурсией», следуя идеям М. Фуко (Foucault, 1971: 11), понимается совокупность речевых практик, оказывающих влияние на формирование представлений об объекте, который они подразумевают. И тогда политический дискурс, являясь реальным результатом таких речевых практик, выступает как вид знания, как то, что люди говорят о социально-институциональной практике и то, как социально-институциональная практика (т.е. формы репрезентации власти) говорит о себе сама (Романов, 2002).

Как показывают исследования отечественных и зарубежных ученых, все возрастающий интерес к интерпретационным исследованиям, фокусирующим свое внимание на социальных, дискурсивных и культурных формах человеческого поведения, открывает новый горизонт в изучении дискурсивной включенности языковых форм любого порядка (и устных, и написанных манифестантов), которые составляют фундаментальную лингвистическую, психологическую, культурологическую и философскую основу жизнедеятельности говорящего субъекта (Богин, 1999; Караулов, 1987; 2000). И осознание роли указанной основы в жизнедеятельности говорящего субъекта позволяет ему прийти к соглашению с окружающим миром и условиями его существования, что создает возможность для понимания и создания смыслов, которые говорящий субъект находит в своих формах жизни.

Больше того, в той мере, в какой это касается описания и интерпретации человеческой деятельности в ее широком понимании, анализ политического дискурса в различных его функциональных проявлениях как результата специфической деятельности говорящего субъекта позволяет осмысливать более широкие, более дифференцированные и более сложные контексты человеческого опыта. В сущности, обращение к анализу природы политического дискурса (также: дискурс политика, дискурсивные образования, дискурсивные конструкции) дает возможность обобщить, расширить и специфицировать широкий спектр вопросов, ответы на которые помогут выработать представления о целеустановках, намерениях и идеях личности, соционально-культурной «самости» или «персональной идентичности», о способах организации человеческой памяти и многое другое.

Смещение определенного акцента в исследовании речи и текста проявляется в переосмыслении того, что речь рассматривается не только как источник данных о языке, но и как индивидуальная реализация системы языка, неразрывно связанная с мыслительной деятельностью, и, тем самым, неотделимая от человека, порождающего и воспринимающего (интерпретирующего) речь.

Здесь важно отметить, что в современной лингвистике наряду с термином «политическая дискурсия» для обозначения совокупных речевых практик используется достаточно известный в лингвистической прагматике термин «дискурс», понимаемый не просто как связный текст (коммуникат), а как «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (их характеристики), так и о процессах производства и восприятия» (ван Дейк, 1989: 13; ср. также: Водак, 1997: 10-12; Кубрякова, 2001: 8-11).

В этом смысле политический дискурс как целостное образование выступает в виде определенного, т.е. построенного по определенному образцу (схеме, фрейму) комплексного речевого действия. И его надлежит рассматривать как форму социального действия, всегда определяемую конкретными ценностями и социальными нормами, условиями и социальной практикой, всегда ограниченной и находящейся под влиянием конкретных институциональных структур в социуме и реальных исторических (временных) процессах. Включение историко-социальной перспективы в объем понятия политического дискурса позволяет в большей степени отразить динамику социальной природы языкового знака (понимаемого как язык в действии) на любом уровне и рассматривать его в качестве результата социальных процессов, мотивированных единством формы и значения.

Поэтому изложенная в политическом дискурсе история (описательная или любая другая дискурсия) на макроуровне может отражать специфику взаимодействий индивидуумов или социальных институтов, а на микроуровне она выступает в качестве маркера истории дискурсивных изменений, представляющих трансформации смысловых пространств участников политической коммуникации.

Включение исторической (временной) перспективы в анализ политического дискурса отражает динамическую природу его «социального бытия», обусловленную функ-

ционированием этого языкового образования в определенном обществе и его спецификой прагматического контекста устно-повествовательного речевого жанра: особенностями его создания и воспроизведения, целеустановки, ориентированность на адресата, психотип языковой личности и т.д.

Политическая дискурсия как совокупность атомарных коммуникативных проявлений реализуется в виде целостного комплексного образования с типовой архитектурой в качестве фреймового образования с вершиной в виде семантической конфигурации «я описываю Q, чтобы тем самым сообщить тебе/вам, что имеет место Q и это Q актуально для меня как говорящего в данный момент, и я хочу, чтобы это Q было также в равной степени актуальным и для вас».

Данное определение содержит одновременно указание как на направление принимаемого анализа, так и, в известной степени, на его методику, поскольку, в отличие от лингвистических работ, посвященных анализу собственно языковых объектов разных уровней (например, от фонемы до текста), предлагаемое исследование посвящено анализу когнитивных процессов – т.е. структуре процессов, происходящих в уме носителя языка, принадлежащего к определенному направлению общественной мысли, при производстве им конкретного коммуникативного манифестанта, а также процессам, обуславливающим его понимание и зависимость восприятия направленного на адресата коммуниката (в терминологии пражских функционалистов) от избранной формы речевого воздействия.

Список литературы

1. Брокмейер Й., Харе Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 29-42.
2. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 312 с.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1997. – 137 с.
4. Грушина Б.А. Массовое сознание. – М., 1987. – 368 с.
5. Динсмор Дж. Ментальные пространства с функциональной точки зрения // Язык интеллект. – М., 1995. – С. 385-411.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 261 с.
7. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 191-206.
8. Кубрякова Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура. Материалы 3-й Международной конференции. Ч. 1. – Тамбов, 2001. – С. 8-11.
9. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1995. – С. 143-184.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы. – М., 1987. – С. 126-172.
11. Романов А.А. Политическая лингвистика. – М.-Тверь, 2002.
12. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – М., 1996. – 600 с.